

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.25991/VRHGA.2019.19.3.019

УДК 304.2

С. А. Гончаров, К. В. Преображенская*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОСТИ И ВЫРАБОТКИ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

В статье речь идет о необходимости выработки методологии междисциплинарных исследований по современной антропологии, обозначаются методологические и практические аспекты, актуальные для культурно-антропологической парадигмы современности.

Ключевые слова: современность, антропология, субъектность, гуманитарные технологии, междисциплинарность.

S. A. Goncharov, K. V. Preobrazhenskaya

*ROSS-DISCIPLINARY SYNTHESIS AS A TOOL FOR UNDERSTANDING
THE PROCESSES OF MODERNITY AND DEVELOPMENT
OF HUMANITARIAN TECHNOLOGIES*

In this article we are talking about the need of methodology for cross-disciplinary research on contemporary anthropology, marked methodological and practical aspects relevant for cultural-anthropological paradigm of modernity.

Keywords: modernity, anthropology, subjectivity, humanitarian technology, cross-disciplinaryty.

---

* Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор; slo-vo@mail.ru;

Преображенская Кира Владиславовна, кандидат философских наук, доцент, начальник управления научных исследований и социальных проектов, Русская христианская гуманитарная академия; доцент кафедры эстетики и этики, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; kira459@list.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00915.

1.1 Антропологическая ситуация современности.

Человек в мире без границ

Современность открывает широкое поле для реализации пространственных, смысловых, ценностных и социально-профессиональных интенций человека. Эта свобода самоактуализации и объективации тесно коррелирует со специфическими зависимостями (аддикциями) городской жизни и «сетевое» пространство.

Мегаполис со сложной и многомерной системой коммуникаций выступает как своего рода соблазнитель, втягивающий человека в процессы семиотизации и обмена знаками, призванными удостоверить существование Я. Разные стили жизни и поведения, место и роль этничности как элемента городского пространства вступают в специфические отношения с различными социальностями и солидарностями. Идентификации и идентичности в таком контексте множатся по различным признакам и основаниям. Человек как субъект и продукт коммуникаций — физических и виртуальных — в нелинейном пространстве мегаполиса находится в процессе непрерывных трансформаций; человек «скользит» по поверхности, его мышление организовано по принципу «гиперссылки».

Понятие открытости оказывается тесно связанным с глубинными механизмами принуждения, поскольку мир рекламы, социальных манипуляций, групповых идентичностей, предлагая свою «открытость», тем не менее по своему существу оказывается агрессивной точкой притяжения, которой сложно сопротивляться.

Открытость как отсутствие определенности, между тем, характеризует метафизическое состояние человека. Он примыкает к идентичностям лишь внешне, и, как отмечает З. Бауман («Индивидуализированное общество»), способность стремительно ориентироваться в идентичностях — базовое свойство современного человека.

В интерпретации советского философа Мераба Мамардашвили современная цивилизация путем отказа от принципов Декарта (человек как источник мысли и действия) и Канта (человек как моральное существо) производит «зомби»-ситуации, внешне человекоподобные, лишь имитирующие человечность. «Их продуктом, в отличие от Homo sapiens, т. е. от знающего добро и зло, является “человек странный”, “человек неопишувемый”» [5, с. 107].

В статье «Сознание и цивилизация» (1984) Мамардашвили отмечает:

Из всего множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX век, одной главной и часто скрытой от глаз рассудка является антропологическая катастрофа, выражающаяся совсем не в таких красочных, эффектных явлениях, как предположительный взрыв близкой сверхновой или столкновение Земли с крупным астероидом, и не в драматическом истощении естественных ресурсов Земли или чрезмерном росте народонаселения, и даже не в экологической или «ярче тысячи солнц» ядерной трагедиях. Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в прямой зависимости от разрушения или просто отсутствия цивилизационных основ процесса жизни и общения. А это событие уже идет полным ходом [5, с. 108].

«Антропологическую катастрофу» Мамардашвили описывает через понятие «неопределенность»:

Аномальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннигилирует, и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигивается не то, что двусмысленно, но многомысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия [5, с. 121].

1.2 Мегалополис в оптике процессов современности

Мегалополисы в наиболее полной мере воплощают модель общества потребления, в котором организация среды (реклама и матрицы «потребительского поведения») становится ценностным «кодексом» и важнейшим фактором косвенного управления поведением, формирования новых видов социальных сетей и субкультур. Можно не только прочертить заметные параллели между визуальностью виртуальных миров интернета и организацией социофизической среды мегалополиса, но и в сетевых свойствах информационных ресурсов увидеть модели «сетей» мегалополиса.

В открытом мире без границ субъект теряет свою субъектность и индивидуальность и подвергается мощным процессам стереотипизации. Проблема субъекта — ключевая для современной антропологии и социологии, о чем писал еще французский социолог Ален Турен в «Возвращении человека действующего» (публикация на русском языке в 1998 г.).

Проблематика мегалополиса может стать объектом продуктивных исследований лишь в качестве целого, системы, и, соответственно, современная наука стоит перед необходимостью выработки подходов, с позиций которых мегалополис рассматривался бы как сложноорганизованный социотекст (мега-текст), базирующийся на многомерном взаимодействии различных моделей коммуникации и информационных потоков, развернутых в социофизическом пространстве большой исторической глубины.

В этом отношении были продуктивны междисциплинарные исследования городской и коммуникативной проблематики Т. М. Дридзе (см. статьи «Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании» (1994), «Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии» (1996), «Социальная диагностика в градостроительстве» и др.) и то направление, которое разрабатывалось Г. И. Богоином, одним из классиков отечественной герменевтики (см., напр.: [2]).

В свое время Джейн Джекобс настаивала на понимании «больших городов» «как организованно-сложных задач» [4]. Не будет метафорой сказать, что город — это фабрика ментальностей, порождающая новые типы общностей и солидарностей, моделей коммуникаций и т. д. В этом контексте важен анализ пространства мегалополиса как пространства сетевых коммуникаций и подвижной событийности, которая отвечает антропологическому запросу. При этом, мегалополисный социотекст должен рассматриваться не только как специфически организованная структура и семисфера, но и как специфическая система связей человека с миром [6, с. 3–18].

Город дает открытые возможности объединения людей в кластеры, субкультуры, группы, социальности и действует как глобальная сеть в рамках которой происходит непрерывный процесс «обмена» или, используя выражение, М. Мосса, «размножение идентификаций». В то же время город и «сети» разъединяют людей и порождают «одиночество в сети», поскольку человек функционирует в семиотическом пространстве с «пустой» в антропологическом смысле семантикой. Это пространство мегаполиса, в котором «люди как бы взаимно аннулируются» [3].

В условиях мегаполиса с его нелинейной организацией и логикой происходит разлом традиционных линейных связей с личной, семейно-родовой, этнической и локально-территориальной историей, с традиционными социальными институтами и феноменами. Человек быстро входит в различные «фрактальные» типы общественных отношений» (А. де Бенуа, см. [1]) и через новые солидарности и социальности проходит ряд «наднациональных идентичностей».

Обозначенные процессы обусловлены несколькими специфическими факторами, среди которых, наряду с глобализационными механизмами, проявляют себя свойства нелинейных миров и логик. Запрос на антропологический анализ городской жизни актуализирован как раз процессом интенсивного порождения нелинейности городского мира, который, в свою очередь, производит конфликты и антропологические кризисы. Нам представляется, что понятия линейности и нелинейности, рожденные в недрах механики, физики, математики (линейные и нелинейные дифференциальные уравнения), могут быть продуктивными в качестве междисциплинарных исследовательских установок в понимании отношений человека и мегаполиса.

Комбинации линейности и нелинейности определяют специфику современности и человека в мире. Сегодня эти понятия начинают проникать в различные дисциплинарные и междисциплинарные сферы в качестве языка описания, с одной стороны, и, с другой стороны, в качестве моделей с определенными свойствами, позволяющими описать гуманитарные явления и процессы.

1.3 Процессы современности как вектор формирования междисциплинарных подходов

Глобальные цивилизационные изменения, проявляющиеся как новые факторы и новые нелинейные механизмы развития, вносят фундаментальные изменения в среду жизнедеятельности человека (имеются в виду не только информационные среды), активно и агрессивно влияют на психофизиологический, эмоциональный, когнитивный, ценностно-мотивационный и другие планы человека. В этом контексте необходимо поставить вопрос не только о междисциплинарности научных подходов к обозначенным явлениям, но и о выработке специфически гуманитарной парадигмы, которая способствовала бы адекватной, отвечающей специфике современности работе с образовательными и широкого плана социогуманитарными практиками.

Стало уже модным говорить об «антропологическом форсайте», который в действительности так и не сформулирован. Мы слишком плохо знаем

сегодняшнего человека, его ментальный мир, типы и характер процессов, в которые включены его мышление, сознание, эмоции, мотивации, реакции, выборы, действия, ценности, и т. п., и практически не представляем, каким он будет через 10–20 лет.

Гуманитарные науки нуждаются в фундаментальном переосмыслении своей природы и ближайших перспектив развития в контексте процессов междисциплинарного взаимодействия, а также прикладных аспектах. Иначе они будут вытеснены технократизмом и электронными стратегиями (например, идеи глубинного электронного обучения *deep elearning*), которые претендуют на замещение всех традиционных форматов социального действия.

Мы до сих пор не имеем ее общей методологической платформы, если она вообще возможна в гуманитарной сфере. Корпус гуманитарных наук переживает очевидный дисциплинарный кризис, суть которого заключается, помимо прочего, в исчерпанности предметной сферы традиционными языками описания.

Мы наблюдаем активный процесс перераспределения предметных границ естественнонаучных дисциплин. Однако в гуманитарной и собственно антропологической сфере отсутствуют «прорывные» теоретические исследования; своеобразный методологический вакуум не позволяет ученым создавать междисциплинарные группы, которые смогли бы представить серьезные практические результаты. Так, при наличии требований обеспечить деятельностно-компетентностный принцип в профессиональном образовании остается неясной общая теоретическая основа взаимодействия, инструментальный переход с высокого уровня предметных абстракций и обобщений теоретических дисциплин к прикладным аспектам и конкретизациям, в которых нуждается сегодня университетское образование, ориентированное на подготовку специалистов для практических действий. Поэтому описание современного человека (в его конкретизациях по возрасту, гендеру, типу мышления, реакций, ценностей и т. п.) и социума, остается одной из остропроблемных областей, в т. ч. и нашего образования.

Ситуация осложняется и тем, что существует большой разрыв между научными исследованиями и образовательным контентом и, далее, технологиями формирования компетентностей. Заметим, что компетентности никоим образом не соотносятся с понятием «качество личности», которое высоко оценивается не только работодателем, но и обществом в целом (но не дай Бог нам вводить измерители сформированности патриотизма, принципиальности и т. д.). Предметная матрица и матрица компетентностей имеют слабую корреляцию, чаще всего условную и формальную, про которую обычно вспоминают при подготовке разных бумаг к аккредитации.

Как это ни парадоксально, наиболее продвинутыми в современной антропологии (учитывающей как базовые и универсальные свойства человека, так и его конкретное бытие в определенном времени и пространстве, возрасте и т. п.) стали сегодня прикладные науки, которые группируются прежде всего вокруг маркетинговых исследований «общества потребления» и «человека потребляющего». Именно здесь происходят процессы, перспективные с точки зрения формирования новой междисциплинарности, конечно же, обслужи-

вающие специфические интересы бизнеса, целеполагание которого лежит не в идеях развития аудитории, а в увеличении объемов продаж. Кстати, именно молодежь в этих исследованиях занимает ключевое место.

Соответственно, необходим поиск выхода из методологических тупиков, парадигма современного образования нуждается в комплексных междисциплинарных исследованиях современного человека как человека, находящегося в ситуации образования. Поиск такого выхода необходимо начать с выявления основных параметров зоны «риска», которые в первую очередь направлены на такие важные характеристики субъектности человека, как сознание, мышление и познание.

1.4 Человек в глобализованном мире: поиск методологии гуманитарных технологий

Эффективное развития сфер образования и профессиональной деятельности возможно только при условии понимания процессов и факторов, влияющих на формирование жизненной среды человека. Способность учитывать эти факторы, переходить от прошлого к настоящему, от глобального к локальному, от универсального к конкретному — исключительно важное качество профессионального мышления, которое основывается на знании и правилах чтения, т. е. на поиске кода. В этом контексте необходимо значительно конкретнее представлять себе соотношение ключевого фактора современности — глобализации, ее свойств и трендов — с национальной спецификой образования и антропологической повседневностью.

Методологической предпосылкой описания культурно-антропологической парадигмы образования должен стать контекст специфики и свойств глобализации, который позволит глубже и адекватнее судить о процессах современности.

Здесь уместно указать на два ключевых понятия: это понятия «сеть» и «граница» в их пространственно-временном, ценностно-смысловом и антропологическом смысле. (Замечательный анализ глобализации и ее свойств дан у Алена де Бенуа [1].)

Главным свойством глобализации является снятие (отмена) категории границы (в социально-философском, финансово-экономическом, антропологическом, ценностном и т. д.), что обеспечивает сетевой характер всех отношений в глобальном мире и приводит к десакрализации культурных норм, ценностей и традиций. Это то, что мы обычно называем вызовами, рисками, амбивалентными факторами развития.

Концентрируясь в виртуальной реальности, они представляют собой конкурирующие механизмы смыслопорождения и поведенческих стратегий, которые неизбежно вступают в конфликтные отношения с социофизической реальностью. Виртуальные миры и виртуальная антропология — это одна из серьезных проблем, с которой современная гуманитаристика практически не работает. Мы не владем ситуацией при наличии достаточно обширного корпуса отечественных и зарубежных работ по проблемам виртуальной реальности. В общих чертах мы понимаем, что это — мир особых социализаций, солидарностей, идентичностей и идентификаций, это разомкнутая и безгра-

ничная модель коммуникации, театрално-игровое пространство, чреватое агрессией и насилием.

Помимо «глобализации», которая «где-то» и «как-то» себя проявляет, человек пребывает в повседневности в конкретном пространстве и конкретном времени, которые наполнены и специфическим образом организованы, имеют свои «биографии», процессуальны, т. е. находятся в состоянии постоянного движения — обмена, коммуникации, пересечения и т. д. Это мир ценностей и смыслов, в котором человек стремится обрести и утвердить свою субъектность, воплотить и реализовать себя.

Гуманитарная методология как целостная познавательная-рефлексивная парадигма, определяющая отношение человека к миру, понимание его смысла и своего места в смысловом пространстве культуры, способна дать тот инструментарий (механизмы и практики), который сможет обеспечить человеку плодотворную самоактуализацию и самореализацию (в т. ч. и в преодолении «рисков» утраты своей субъектности). В этом смысле «гуманитарные технологии» — это технологии понимания и действия, направленные на выявление и развитие субъектности, качеств личности, которые позволяют ей реализоваться и состояться в социуме.

Гуманитарные технологии являются и важнейшим инструментом гармонизации отношений человека и жизненной среды в полиэтническом, поликультурном и поликонфессиональном обществе, т. к. должны быть ориентированы на решение проблем человека в условиях меняющейся жизненной среды, приводящей к столкновению интересов, конфликтов и различных моделей коммуникации.

Главный принцип обобщения для междисциплинарной методологии основан на признании главной и определяющей позиции человека-субъекта по отношению к миру объектов социокультуры как позиции «диалога» и «перспективы». «Диалог» и «перспектива» активизируют субъектность, поскольку противостоят монологу техник манипуляции, лишаящих человека собственных социальных и антропологических перспектив.

Именно «человек понимающий и производящий смыслы» должен быть главным объектом гуманитарных рефлексий любого уровня и любой направленности, но прежде всего — в образовательной сфере, социальная значимость которой определена возможностями формирования человека понимающего.

Освоение базовых коммуникативных стратегий культуры, знание механизмов смыслообразования в ней — это и есть приобретаемый личностью опыт понимания, опыт исторической и этнокультурной идентичности, и главное — перспектива эффективного взаимодействия человека и мира. В этом процессе человек наследует главный элемент, составляющий его антропологическую сущность, — «коллективную память» (что особенно актуально для решения такой острой проблемы, как утрата исторической и культурной памяти). Организованный процесс передачи такого культурного «памятного» опыта и такого типа субъектно-объектных отношений и должен стать сегодня главной сферой образовательной деятельности и практической задачей гуманитарных образовательных технологий, которые и будут успешно противостоять «мозаичным» информационным потокам масс-медиа и медиальным каналам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенуа А. де. Против либерализма к четвертой политической теории. — СПб.: Амфора, 2009.
2. Богин Г. И. Читать город как читают книгу // Шадринская старина. — 1998. — Вып. 6. — С. 231–240.
3. Бодрийяр Ж. Город и ненависть. Лекция, прочитанная в Москве во Французском Университетском Колледже при МГУ им. М. В. Ломоносова. — URL: www.ruthenia.ru/logos/number
4. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. — М.: Новое издательство, 2011.
5. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. — М.: Прогресс — Культура, 1992. — С. 107–121.
6. Рикёр П. Герменевтика и метод социальных наук // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. — М.: КАМІ, АCADEMIA, 1995. — С. 3–9